

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Панченко К.А.

ИСТОРИЯ ХРИСТИАНСКОГО ВОСТОКА В РАКУРСЕ РОДОВЫХ И ЗЕМЛЯЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ

I

Предлагаемая вниманию читателя монография посвящена теме региональных элит, возглавлявших клановые и территориальные общности Христианского Востока, и роли этих элит в церковной и социополитической жизни. Хотя церковные летописи очень редко отражали взаимодействие и соперничество христианских родовых и земляческих структур, на нынешнем уровне наших знаний уже достаточно очевидно, что история ближневосточного христианства во многом определялась именно этими факторами.

Основой человеческого поведения, заданной на генетическом уровне, выступают коллективизм, взаимная поддержка, ощущение своей принадлежности к некоей группе. Однако эта группа так или иначе ограничена, и на тех, кто к ней не принадлежит, не распространяются солидарность и поведенческие установки. Деление мира на «своих» и «чужих» есть базовая черта человеческой психологии и социального поведения. Самым естественным критерием для определения «своих» выступают кровнородственные или общинные связи. На их основе создавались те кланы светской и церковной элиты, которые мы в изобилии наблюдаем в истории Христианского Востока. То, что называется «трайбализмом», представляет собой, скорее, норму человеческого мироощущения и поведения; напротив, атомизированные общества современной техногенной цивилизации, лишённые родовых связей, представляют собой исключение в истории человечества¹. Религия на

¹ О современных представлениях о генетических детерминированных моделях человеческого поведения см.: *Уэйд Н.* Неудобное наследство. Гены, расы и история человечества. М., 2018.

протяжении тысячелетий выступала способом преодоления родового сознания, давала возможность резко расширить круг тех, кто воспринимался как «свои». Так, в христианской культуре церковная организация теоретически стоит выше любых клановых сообществ, родоплеменных и этнических привязанностей. Однако в действительности родственные и земляческие связи пронизывали церковные институты Христианского Востока. Само духовенство тесно взаимодействовало и переплеталось со светскими элитами, о которых идет речь в данной монографии.

В качестве предисловия к текстам настоящего издания мы попытаемся дать обзор основных характеристик этих социальных групп, их возникновения и трансформации на протяжении полутора тысячелетий. В своем анализе мы остановимся на «срединных землях» Христианского Востока — территориях Благодатного Полумесяца и долины Нила — оставляя в стороне северную и южную периферию этой субцивилизации (Закавказье, Эфиопию, Нубию), поскольку там, как правило, сохранялась христианская государственность, и, следовательно, правящие элиты формировались совсем не так, как у народов, живущих под иноверным владычеством.

II

Истоки региональных элит Христианского Востока следует искать в **позднеримской эпохе**. Как известно, для нее был характерен упадок традиционной городской верхушки, сословия куриалов. В ситуации кризиса урбанистической экономики и увеличения военно-административных расходов государства эти люди были обязаны из собственных средств покрывать недоимки по налогам своих муниципальных образований. Попытки покинуть сословие куриалов жестко пресекались законодательством. Среди немногих способов избежать бремени государственных повинностей были уход на службу в имперский или провинциальный административный аппарат, а также перетекание городской верхушки в ряды духовенства. Епископат начиная с IV в. комплектовался из среды провинциальной знати, поскольку эти люди обладали достаточно высоким образовательным уровнем, административно-хозяйственными навыками и могли на равных держать себя с представителями светской власти. Большинство епископов IV–V вв., чье происхождение нам известно, происходили именно из городского

нобилитета. Были среди епископов и члены сенаторских фамилий, образывавшие целые архиерейские династии. Подобные явления характерны не только для территорий Христианского Востока, но и для Западной Римской империи, например, они хорошо прослеживаются в Галлии эпохи Великого переселения народов¹.

Сосредоточив в своих руках значительные земельные владения и финансовые средства, епископы обретали все большее влияние на городские дела, частично заменяя в этой роли слабеющее сословие куриалов. В соперничестве городов и провинций империи церковные иерархи выступали как выразители интересов региональных элит, что особенно отчетливо проявилось в истории Вселенских соборов и церковных расколов V–VI вв.

Общеизвестно, что религиозные конфликты V в. нельзя до конца понять без учета социально-политических реалий эпохи, противоборства центров силы внутри римского имперского пространства. Одним из важнейших процессов было перетекание силы с Запада на Восток, из Рима в Константинополь (Новый Рим). Будучи искусственно созданной столицей, Константинополь, в отличие от Рима, не имел собственной древней аристократии. Служилая знать Нового Рима формировалась за счет переселения части сенаторских фамилий из Рима, а также из выходцев из всех восточных провинций империи — Иллирика, Малой Азии, Сирии, Палестины, Египта.

В IV–V вв., по мере постепенно нараставшего упадка имперского Запада и сокращения его влияния на социально-политические процессы на Востоке, роль и значение восточных и южных регионов (в основном, азиатских и африканских) постепенно повышались. Египет, Сирия и другие восточные провинции все более и более обретают собственный вес в общеимперских делах и выступают как самостоятельные игроки, стремящиеся влиять на политику имперского центра через своих земляков в рядах сената, высшей имперской аристократии, чиновничества, армии, а также в Церкви. Статья **И. Н. Попова** «Религиозная жизнь Константинополя и участие в ней выходцев из Сирии», представленная в настоящей монографии, обрисовывает контуры одного из таких «землячеств» в столице Восточной Римской империи.

¹ См.: *Van Dam R. Bishops and Society // Cambridge History of Christianity. Vol. II. Cambridge, 2008. P. 345–348.*

Константинополь становится ареной взаимодействия и конкуренции региональных элит. Достаточно быстро обозначилось стремление крупнейших христианских архиепископских кафедр поставить под свой контроль кафедру новой столицы империи. Одним из наиболее влиятельных участников противоборства выступал Египет, который ощущал себя самодостаточной силой, способной оплачивать свою политику, т. е. покупать сторонников при дворе. Фигура александрийского первоиерарха выступала центром консолидации египетских элит. Как носитель общехристианского авторитета, он мог проецировать интересы региона в имперском центре. Антиохийский архиепископ в этом отношении был слабее — в Сирии было много больших городов со своими интересами и ресурсами.

За спиной церковных лидеров стояли региональные элиты. По мнению позднейших светских историков XIX—XX вв., подлинные причины конфликтов — борьба за власть, привилегии и перераспределение канонических территорий — камуфлировались более достойными целями защиты ортодоксальной веры и искоренения ересей¹. Хотя, нет сомнения в том, что абстрактные богословские вопросы люди того времени воспринимали более чем серьезно.

Наряду с ростом влияния епископов в христианском мире IV—V вв. набирало силу монашеское движение. Путь иноческой аскезы привлекал людей самого разного социального статуса, но в целом среди пустынников и насельников киновий преобладали выходцы из низов. Впрочем, смысл монашества был в разрыве прежних социальных связей и отказе от всех обязательств по отношению к обществу. Монашеское движение первоначально выступало как некая альтернатива церковной организации и воспринималось частью епископов с настороженностью. Однако с кон. IV в. иерархи начинают ставить монахов на епископские кафедры и вообще вовлекают пустынников в политическую жизнь, используя их как ударную силу в борьбе за власть и влияние. Все эти процессы особенно рельефно выступают в истории Александрийской Церкви, где на рубеже IV—V вв. архиепископы Феофил и Кирилл опирались на brutальные монашеские

¹ См.: *Грацианский М. В.* Соперничество региональных элит в Восточной Римской империи IV—V вв. на примере церковных отношений (в печати). См. также: *Карташев А. В.* Вселенские соборы. М., 1994. С. 175; *Van Dam.* Bishops and Society... P. 351—355.

группировки в борьбе как с остатками язычества и еврейской общиной, так и со своими христианскими оппонентами на Вселенских соборах.

Так же отчетливо в Александрии прослеживается соперничество епископов и имперской администрации, доходившее до кровопролитных столкновений. Как сказал церковный историк Сократ Схоластик про Кирилла Александрийского: «С его времени александрийское епископство выступило за пределы священнического сана и начало самовластно распоряжаться делами»¹. Силовой ресурс александрийских епископов составляли, как уже говорилось, отшельники Нитрийской пустыни, а также *параваланы* — квази-монашеские фанатичные военизированные группировки.

В то же время, стоит задать вопрос: были ли монашеские лидеры слепым орудием в руках епископата или же выступали самостоятельными центрами силы, заставлявшими епископов считаться с собой? Такая фигура, как Шенуте Великий предстает духовным и, в какой-то мере, политическим лидером общеегипетского масштаба, при необходимости бравшим на себя функции государственной администрации. Варсума, предводитель сирийских монахов-монофизитов, подверг моральному террору участников «Разбойничьего» собора в Эфесе, а на Халкидонском соборе епископы заявляли: «Варсума опустошил всю Сирию, он возбудил против нас тысячи монахов»². В эпоху «холодной гражданской войны» между халкидонитами и монофизитами V–VI вв. именно монахи занимали наиболее радикальную позицию в монофизитском лагере, вынуждая прислушиваться к себе конформистский епископат. Достаточно вспомнить восстание палестинских монахов в 452–453 гг. против патриарха Ювеналия и решений Халкидонского собора, потребовавшее фактически проведения военной операции для восстановления лояльных Константинополю церковных властей³.

На Христианском Востоке позднеантичной эпохи существовала еще одна элитарная социальная группа — арабская военная знать, вожди союзных империи бедуинских племен, принявших христианство.

¹ Сократ Схоластик. Церковная история. Кн. VII. Гл. 7.

² Евагрий Схоластик. Церковная история. Кн. II. Гл. 18.

³ См.: Евагрий Схоластик. Кн. II. Гл. 5; Грацианский М. В. Император Юстиниан Великий и наследие Халкидонского собора. М., 2016. С. 49–50.

При всей своей малочисленности и географической маргинальности, арабская племенная верхушка сыграла непропорционально важную роль в церковной истории VI в. Гассанидские цари стояли во главе монофизитской партии в империи.

Сасанидская Месопотамия той же эпохи демонстрирует в целом похожие характеристики христианских элит. Это городская верхушка, чиновники, шейхи арабов-христиан, а также люди «свободных профессий» — врачи и астрологи, влиятельные при шахском дворе. При этом очевидна местная специфика, обусловленная тем, что правящая династия была иноверной, а христиане в государстве составляли меньшинство. В силу этого восточная половина Благодатного Полумесяца куда больше, чем западная, похожа на будущий Христианский Восток, тот, что будет развиваться под мусульманским владычеством. Статьи Д. Е. Мишина «Раскол в Несторианской Церкви Сасанидской державы (522–537)» и «Противостояние несториан и яковитов в правление Хосрова II Парвиза» обрисовывают социально-политическую ситуацию у восточных сирийцев сасанидской эпохи, соперничество между различными исповеданиями, а также внутри несторианской общины.

III

Христианские элиты в Арабском халифате были наследниками сословия куриалов — наследниками не только в социальном плане, но и в прямом, кровно-родственном, смысле. Можно указать на такие фигуры, как Мансур, полулегендарный предок Иоанна Дамаскина, при византийской власти отвечавший за сбор налогов в Дамаске, или яковит Афанасий бар Гумойе, предок патриарха Дионисия Телльмахрского, эдесский магнат и советник арабского наместника Египта в кон. VII в. Как представляется, основой влияния этих людей был контроль над городской и сельской экономикой. Источники сообщают, что у Афанасия бар Гумойе было 400 лавок и 4 тыс. рабов в Эдессе¹.

¹ См.: Медников Н. А. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. Т. 1 (2). СПб., 1903. С. 273, Т. 2. СПб., 1897. С. 683–686. См. также: Wood Ph. Christian Elite Networks in the Jazira c. 730–850 // *Transregional and Regional Elites — Connecting the Early Islamic Empire* / Ed. H.-L. Hagemann and S. Heidemann. Vol. I. De Gruyter, 2020. P. 359–383; Robinson C. *Empire and Elites after the Muslim Conquest. The Transformation of the Northern Mesopotamia*. Cambridge, 2000.

В первые десятилетия арабской власти управление на местах и сбор налогов были оставлены в руках локальных христианских элит, таких, как *нагархи*, низовое административное звено в пост-византийском Египте¹. Наряду с этим, с самого начала в источниках фигурируют христианские чиновники, *катибы*-писцы, встроены в мусульманскую управленческую систему.

Тем не менее, при рассмотрении процессов развития социально-политических структур халифата складывается впечатление, что в какой-то момент христианские локальные элиты утрачивают собственные земельные владения и сохраняются далее лишь в качестве торгово-ремесленных городских слоев. Главной же основой их процветания становится сращивание с мусульманской администрацией. Христиане во множестве встречаются среди писцов налоговой службы, исполняют обязанности секретарей эмиров и султанов — тут можно видеть классическую схему «власть-собственность», когда доступ к структурам власти конвертируется в обретение собственности. Не вдаваясь в конкретные примеры, можно сказать, что на протяжении Средневековья таких людей, то есть христиан на службе у мусульманских правителей, известно из источников несколько сотен. Возможность присосаться к циркуляции государственных финансов позволила многим христианским писцам нажить большие состояния и инвестировать средства в поддержку Церкви.

Наряду с писцами, заметны другие элитарные группы христиан. В первую очередь это придворные врачи, а также ювелиры (антиохийский патриарх Феофилакт бар Канбара; сер. VIII в.), астрологи — такие как маронит Феофил Эдесский, советник халифа аль-Махди († 785), или Абу Сулайман, врач и астролог, родоначальник клана айюбидских придворных врачей Абу Фана². Влияние несторианских или мелькитских³ врачей на дела единоверцев наиболее заметно в период

¹ См.: Brett M. Population and conversion to Islam in Egypt in Medieval Period // Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk Eras. Leuven, 2005. P. 5–6.

² См. об Абу Сулаймане: Панченко К. А. Православные врачи на Арабском Востоке // Вестник ПСТГУ. Сер. III. Филология. 2013. № 5 (35). С. 62.

³ Уточним, что в данном контексте «мелькиты» выступают синонимом понятий «халкидониты» или «православные» в применении к народам Ближнего Востока. В Новое время это самоназвание взяли себе католики восточного обряда, перешедшие из Антиохийской Православной Церкви в унию с Римом и образовавшие Мелькитскую Католическую Церковь.

VIII–XIV вв., от первых Аббасидов до начала кризиса Христианского Востока под владычеством мамлюков. Этот феномен *медицинской власти* выходит за пределы ближневосточных христианских общин; он в равной мере характерен и для евреев в средневековом мусульманском мире. Иудейскую общину Египта от Фатимидов до мамлюков традиционно возглавляли представители корпорации врачей.

Мусульманское завоевание изменило соотношение сил между церковной иерархией и светской знатью. Церковь утратила государственную поддержку и многие источники дохода, оказавшись в зависимости от благодеяний богатых единоверцев. После арабского завоевания на Ближнем Востоке довольно долго пустовали все три православных патриарших престола (Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский), и именно светская знать во главе с Серджуном ибн Мансуром, отцом (или дедом) Иоанна Дамаскина и секретарем омейядских халифов, взяла на себя представительство интересов мелькитской общины. Впоследствии преемство патриархов было восстановлено, но христианские элиты продолжали оказывать влияние на церковные дела, и члены клана Мансура в IX в. дважды восходили на иерусалимскую кафедру¹.

Можно говорить, что перетекание писцов, врачей и других представителей христианской знати на высшие уровни церковной иерархии мелькитов было устойчивой тенденцией. Помимо уже приведенных примеров назовем александрийских патриархов, происходивших из корпорации врачей — Политиана (768–813), знаменитого историка Евтихия (Саида ибн Битрика) (933–940), офтальмолога ар-Рашида аль-Каххаля (на патриаршестве Николай II, 1262–1275 гг.), иерусалимского патриарха Иосифа (980–984), дамасского митрополита и врача XII в. Джурджиса, сын которого Муваффах ибн аль-Матран стал придворным медиком Салах ад-Дина, дамасский клан врачей и архиереев Ибн аль-Арши (XIII–XIV вв.)², и этот список можно продолжать. Были патриархи, до своего избрания исполнявшие обязанности секретарей

¹ См.: Панченко К. А. Ближневосточное православие под османским владычеством. Первые три столетия. М.: Индрик, 2012. С. 23–29.

² См. о перечисленных персонажах: Панченко К. А. Политиан, патриарх Александрийский // ПЭ. Т. 57. М., 2020. С. 161–162; Грацианский М. В. Евтихий, патриарх Александрийский // ПЭ. Т. 17. С. 346–348; Панченко К. А. Николай II, патриарх Александрийский // ПЭ. Т. 50. М., 2018. С. 381–382; Панченко К. А. Православные врачи на Арабском Востоке. С. 61, 71–72.

при мусульманских властителях, как антиохийские первосвятители X в. Илия, Феодосий и Христофор, прославленный как мученик¹, или их собрат из XVII в. Игнатий Атыййа (1619–1633), писец ливанского эмира Фахр ад-Дина Маана. Любопытная ситуация известна в истории коптов XIII в., когда кандидатура христианского чиновника налогового ведомства ас-Сани Галиба ибн ас-Суккари, выдвинутая на патриаршество, была отклонена айюбидскими властями, не желавшими отпустить со службы ценного управленца². Некоторые патриархи, сами не будучи государственными служащими, происходили из чиновничьих кланов и состояли в родстве с видными администраторами, как Савва Абу-ль-Лейс, предстоятель Александрийского престола в 1100–1122 гг. и брат влиятельных фатимидских чиновников. Беспрецедентную пару представляют Орест и Арсений, зятья фатимидского халифа аль-Азиза (975–996), занимавшие Иерусалимский и Александрийский престолы соответственно и игравшие видную роль в делах халифата, в частности, дипломатических контактах с Византией³.

Наряду с описанными примерами сращивания христианской квази-аристократии с высшей иерархией сохранялся и другой кадровый резерв епископата, более типичный для всего христианского мира, — монашество. Из чтения мелькитской житийной литературы аббасидской эпохи складывается впечатление, что именно насельники обителей Иудейской пустыни составляли ту среду, в которой в первую очередь искали кандидатов на епископские и патриаршие кафедры. Было бы любопытно понять, насколько в монашеской среде было сильно корпоративное сознание, противопоставляли ли себя монахи светским элитам и высшему духовенству? Надо признать, такие мотивы не бросаются в глаза в патериках раннеисламской эпохи. Были, конечно, элементы соперничества между патриархами и монастырями за обладание мощами мучеников, но в целом, как уже говорилось, значительная часть архиереев и их ближайшего окружения происходила из монашеской среды и ощущала себя частью ее.

¹ См. о нем: *Панченко К. А.* Антиохийский патриарх Христофор (ум. 967 г.): личность и эпоха // *Панченко К. А.* Православные арабы: путь через века. М., 2013. С. 10–36.

² См.: *Swanson M.* The Coptic Papacy in Islamic Egypt (641–1517). Cairo — N.Y., 2010. P. 88.

³ См.: *Панченко К. А.* Савва, патриарх александрийский // ПЭ. Т. 61. М., 2021. С. 34–35; *Моисеева С. А., Панченко К. А.* Орест, патриарх Александрийский // ПЭ. Т. 53. М., 2019. С. 172–173.

Все эти характеристики светских и церковных христианских элит эпохи халифата рассматривает в настоящей монографии **свящ. Александр Трейгер** в статье «Региональные элиты мелькитов VIII—IX вв.».

Своеобразную модель взаимоотношений высшей иерархии и светской знати, архонтов, демонстрирует средневековая коптская община. Традиционно патриархи избирались из благочестивых пустынножителей, совершенно незнакомых с теми административно-финансовыми проблемами, которые им предстояло решать. Вполне естественным было нежелание этих аскетов-отшельников взваливать на себя бремя церковно-хозяйственных забот. Кандидатов в патриархи часто приводили в Александрию для рукоположения против воли, буквально на цепи. Многократные отказы от патриаршего сана стали обязательным ритуалом в процедуре интронизации коптских патриархов. В среде духовенства встречались и честолюбцы, сами домогавшиеся патриаршества, но это вызывало массовое неприятие клира и мирян.

С другой стороны, благочестивые аскеты-молитвенники были неспособны к управленческой работе. И в Коптской Церкви сложилась довольно устойчивая традиция, когда патриархи предавались молитвенным бдениям, а архонты-миряне брали на себя вопросы уплаты налогов, управления церковной экономикой и представительство интересов единоверцев перед мусульманскими властями, а иногда даже и само избрание патриархов. Эти архонты, как можно заключить из летописей, были высокопоставленными чиновниками мусульманской администрации — главами диванов, секретарями правителей и т. п.

Описанная система взаимодействия светской и церковной элит у коптов не была стабильной. Некоторые из патриархов обладали личным духовным авторитетом или властными амбициями и собственными ресурсами и, в свою очередь, стремились доминировать над архонтами (Авраам ибн Зура в X в., Григорий ибн Турайк в XII в., Кирилл III ибн Лаклак в XIII в. и др.). Два патриарха (один в X, другой в XVI в.) были, по преданию, отравлены архонтами, которых первосвятители отлучили от Церкви за содержание гаремов. Соперничество патриархов и светской знати продолжалось и в османскую эпоху. Как правило, верх одерживали архонты, чьи лидеры, носившие знаковый титул *раис аль-акбат* («глава коптов»), выступали предстоятелями общины перед мусульманскими властями. Маятник противостояния верхушки мирян

и высшей иерархии не раз качался на протяжении XIX–XX в., пока социалистические реформы Г. Насера не подорвали позиции коптской буржуазии, избавив патриархов от конкурентов внутри общины¹.

В целом ближневосточные христиане были народами с ущербной социальной структурой, не имевшие собственной военно-служилой знати, феодальной аристократии. Контрастными исключениями в этой картине выступают христианские квази-военные и управленческие элиты, которые все-таки встречались: мелькитские магистры и патрикии в византийской Антиохии, несторианские малики в хулагуидской Месопотамии, сержанты-*туркопулы* при крестоносцах. Статья **П. В. Кузенкова** посвящена именно этой проблематике — взаимоотношениям византийских властей с ближневосточными христианскими элитами в период Второй византийской реконкисты X–XI вв. Очень интересны изолированные консервативные крестьянские субкультуры позднего Средневековья и Нового времени, возглавлявшиеся воинственной родовой знатью и, благодаря опоре на местные монастыри, способные к воспроизводству религиозной традиции: ливанские горцы (в первую очередь марониты, но отчасти и мелькиты), ассирийцы Хаккиари, православные плато Каламун, долины Оронта и Заиорданья.

Элитарные сообщества Христианского Востока следует анализировать не только с точки зрения их социальной природы, но и региональной принадлежности. Опять же, церковные летописи очень слабо отражают такие явления, как субэтничность и регионализм внутри христианских общин. Лишь с трудом можно разглядеть в их составе какие-то специфические племенные группы, как, например, башмуритов в приморских районах нильской Дельты, многократно поднимавших восстания против омейядских и аббасидских наместников Египта². Средневековые марониты также представляли собой конфедерацию племен с разными субкультурами и политическими интересами. Региональные элиты у мелькитов достаточно отчетливо просматриваются на османском материале, где легко выделить христианскую

¹ Об элитарных группах, возглавлявших коптскую общину, взаимодействии патриархов и архонтов см.: *Грацианский М. В., Кобищанов Т. Ю., Панченко К. А.* Коптская Церковь. Исторический очерк // ПЭ. Т. XXXVII. М., 2015. С. 513–557.

² См.: *Панченко К. А.* Коптский бунт: к анализу башмурских восстаний VIII–IX вв. // Вестник ПСТГУ. Сер. III. Филология. 2016. № 4 (49). С. 63–74.

знать Триполи, Дамаска, Халеба, Бейрута, но, судя по всему, подобные элитарные сообщества существовали и раньше. Можно лишь говорить, что при османах в православной общине происходит перемещение центра тяжести из горных монастырей и полуаграрных городков в мегаполисы. Попытка реконструкции таких «центров силы» мелькитской общины в мамлюкскую и в начале османской эпохи предпринята в статье **К. А. Панченко** «"Князья Церкви" Православного Востока в позднее Средневековье и раннее Новое время».

IV

Региональные элиты Христианского Востока претерпевали некоторые изменения с течением времени. В период позднесредневекового упадка ближневосточного христианства влиятельные писцы и придворные врачи исчезают со страниц церковной истории ввиду вымывания христиан из этих социальных ниш. Патриархи и епископы мамлюкской и **османской эпох** были выходцами либо из монашества, либо из священнических родовых сообществ, как, например, клан аз-За'им, давший двух антиохийских патриархов и Павла Алеппского, классика новоарабской литературы, либо из городской торгово-ремесленной среды. Родоначальник клана антиохийских патриархов XIV в. носил прозвище *аль-Аттар* (парфюмер); другие предстоятели антиохийской кафедры нач. XVI в. вошли в анналы под родовыми именами *Ибн ас-Саббуни* («сын мыловара») и *Ибн аль-Маварди* («сын торговца розовой водой»); среди арабских православных шейхов, управлявших делами иерусалимской патриархии XVI в., были люди с прозвищами *ан-Наккаш* («красильщик») и *ас-Саббан* («мыловар»). Разветвленный клан Ибн Даббас и его побочные ветви в XVII—XX вв. дали нескольких епископов, шесть православных и католических патриархов, ряд крупных торговцев, глав ремесленных корпораций и первого президента Ливана.

Монашество, несмотря на свои обеты, тоже не было оторвано от родовых привязанностей. Монахи оставались членами клановых структур и прекрасно помнили об этом, в монастырях группировались по региональному принципу, став архиереями, «продвигали» родственников и земляков.

Достаточно контрастно выглядит социальная структура у маронитов Нового времени — диковатые крестьяне-горцы и духовенство

с блестящим европейским образованием. Не менее интересна ситуация в Иерусалимском патриархате османской эпохи. С одной стороны, мы видим архаичные воинственные крестьянские сообщества, похожие на ассирийцев Хаккиари. А рядом с ними существовали монашеские колонии из иноземцев (греков, грузин, южных славян), сохранившие традицию монастырской жизни и высокую книжную культуру. Как известно, в XVI в. греки поставили под свой контроль Иерусалимскую Церковь. При этом греческая иерархия Св. града была пронизана теми же клановыми связями. В Палестине XVI—XVIII вв. мы видим две сменявших друг друга пелопоннесских семьи патриархов и монашескую корпорацию Святогробское братство, построенную на балансе сил греческих родовых сообществ. Первостепенная задача историка, занимающегося христианскими народами османского имперского пространства (будь то Балканы, Анатолия, Ближний Восток) — выстроить генеалогические схемы архиерейских и священнических кланов и сгруппировать их по региональному принципу, что может объяснить многое в перипетиях церковной истории.

Статья **Т. Ю. Кобищанова** «Христианские элиты Леванта в Новое время» дает сводную характеристику типологии и эволюции различных групп христианской знати в арабских провинциях Османской империи.

Активизация европейских Левантийских кампаний и вовлечение арабо-христианских предпринимательских кланов в международную торговлю стимулировало сложение достаточно богатой и влиятельной мелькитской «буржуазии», сыгравшей ведущую роль в церковной истории XVIII в., в первую очередь, в униональном движении. Часть ближневосточных христиан стремилась к сближению с католиками, рассчитывая на политическое покровительство западных держав и приобщение к достижениям европейской культуры — это привело к серии церковных расколов и образованию нескольких униатских Церквей. На фоне противостояния православия и унии произошло резкое усиление греческого влияния в Антиохийской Церкви и переход патриаршего престола в руки ставленников Фанара. Эти процессы принято отсчитывать с 1724 г., вступления на патриаршество киприота Сильвестра. В статье **К. А. Панченко** «На кого опирался антиохийский патриарх Сильвестр (1724–1766)» делается попытка пересмотреть представления о греческой ксенократии и понять, кто же

в действительности стоял за Сильвестром и каково было соотношение греческого и арабского элементов в Антиохийской Церкви второй трети XVIII в.

В XIX в. в Османской империи стали распространяться европейские идеологии секуляризма и национализма. Они привели к кризису традиционных моделей идентичности, основанных на религиозном самосознании. Этот кризис принял наиболее острый характер у православных народов и способствовал разрушению существовавшего с византийских времен надэтнического православного сообщества Восточного Средиземноморья. Греческое доминирование в высшей иерархии восточных патриархатов стало почти одновременно вызывать национально окрашенный протест у южных славян и православных арабов. В среде этих народов появляется новая элита — выпускники учебных заведений европейского типа, носители развитого национального самосознания, которые бросили вызов власти фанариотов и святогробцев. Начались драматические процессы оформления национальных Церквей, серия конфликтов и расколов, когда иерархи оказались перед выбором между «голосом крови» и ценностями вселенского православия. Статья **Д. В. Вовченко** «Константинопольский патриарх Иоаким III и болгарский экзарх Иосиф: христианские элиты Османской империи во внешней политике России (1878–1912)» рассматривает эти процессы на примере греко-болгарских противоречий. Как представляется, османские Балканы с определенной оговоркой можно отнести к понятию «Христианский Восток» — в раннее Новое время положение балканских народов было типологически схожим с судьбами сиро-египетских христиан. **Е. М. Копоть** в статье «Источники и факторы формирования новой церковно-политической элиты православных арабов во второй половине XIX в.» представляет анализ подобных же церковных конфликтов на национальной почве на примере греко-арабских отношений кон. XIX — нач. XX вв.

Еще ждут своего исследователя судьбы арабо-христианских общин и их светских и духовных элит в **новейшее время**. Достоинно внимания вовлечение православных арабов XX в. в самые радикальные политические движения левого или националистического толка, когда одни и те же семьи давали православных епископов и коммунистических активистов.

Перед исследователями лежит огромное поле исследования во времени и пространстве, почти не тронутое. Конечно, авторы монографии не претендуют на то, чтобы охватить весь спектр разнообразия Церквей и народов ближневосточного христианства, но, хочется думать, они делают первый важный шаг в нужном направлении.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники.

Сократ Схоластик. Церковная история. Саратов, 1911.

Евагрий Схоластик. Церковная история. СПб., 2001.

Литература.

Грацианский М. В. Евтихий, патриарх Александрийский // ПЭ. Т. 17. С. 346–348;

Грацианский М. В. Император Юстиниан Великий и наследие Халкидонского собора. М., 2016.

Грацианский М. В. Соперничество региональных элит в Восточной Римской империи IV–V вв. на примере церковных отношений (*в печати*).

Грацианский М. В., Кобищанов Т. Ю., Панченко К. А. Коптская Церковь. Исторический очерк // ПЭ. Т. XXXVII. М., 2015. С. 513–557.

Карташев А. В. Вселенские соборы. М., 1994.

Медников Н. А. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. Т. 1–2. СПб., 1897–1903.

Моисеева С. А., Панченко К. А. Орест, патриарх Александрийский // ПЭ. Т. 53. М., 2019. С. 172–173.

Панченко К. А. Ближневосточное православие под османским владычеством. Первые три столетия. М.: Индрик, 2012.

Панченко К. А. Антиохийский патриарх Христофор (ум. 967 г.): личность и эпоха // Панченко К. А. Православные арабы: путь через века. М., 2013. С. 10–36.

Панченко К. А. Православные врачи на Арабском Востоке // Вестник ПСТГУ. Сер. III. Филология. 2013. № 5 (35). С. 59–75.

Панченко К. А. Коптский бунт: к анализу башмурских восстаний VIII–IX вв. // Вестник ПСТГУ. Сер. III. Филология. 2016. № 4 (49). С. 63–74.

Панченко К. А. Николай II, патриарх Александрийский // ПЭ. Т. 50. М., 2018. С. 381–382;

Панченко К. А. Политиан, патриарх Александрийский // ПЭ. Т. 57. М., 2020. С. 161–162.

Панченко К. А. Савва, патриарх Александрийский // ПЭ. Т. 61. М., 2021. С. 34–35;

Уэйд Н. Неудобное наследство. Гены, расы и история человечества. М., 2018.

Brett M. Population and conversion to Islam in Egypt in Medieval Period // Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk Eras. Leuven. 2005. P. 1–32.

Robinson C. Empire and Elites after the Muslim Conquest. The Transformation of the Northern Mesopotamia. Cambridge, 2000.

Swanson M. The Coptic Papacy in Islamic Egypt (641–1517). Cairo — N.Y., 2010.

Van Dam R. Bishops and Society // Cambridge History of Christianity. Vol. II. Cambridge, 2008. P. 343–365.

Wood Ph. Christian Elite Networks in the Jazira c. 730–850 // Transregional and Regional Elites — Connecting the Early Islamic Empire / Ed. Hagemann and S. Heidemann. Vol. I. De Gruyter, 2020. P. 359–383.

Сокращения.

ПЭ — Православная энциклопедия

Вестник ПСТГУ